

Вячеслав Никонов

ОКТАБРЬ 1917

Кто был ничем, тот станет всем

МОСКВА
2017

УДК 355/359
ББК 63.3
Н64

В оформлении обложки использована репродукция картины
«Большевик» (1920 г.) художника *Б.М. Кустодиева*

Художественное оформление *В. Щербакова*

Никонов, Вячеслав Алексеевич.

НБ4 Октябрь 1917. Кто был ничем, тот станет всем / Вячеслав
Никонов. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 1184 с.

ISBN 978-5-04-088568-8

Революцию 1917 года часто называют Великой. Она определила судьбы России и мира. И только сейчас мы обретаем способность спокойно и трезво оценивать, что тогда с нами случилось.

В новой книге Вячеслава Никонова вы узнаете, каким образом за восемь месяцев на развалинах великой евразийской державы в разгар мировой войны в октябре 1917 года возникло государство Советов под руководством крошечной партии большевиков, предложившей альтернативу всей предыдущей истории человечества.

УДК 355/359
ББК 63.3

ISBN 978-5-04-088568-8

© Никонов В., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Оглавление

Вместо введения. ФЕВРАЛЬ 1917 ГОДА.	
КРУШЕНИЕ РОССИИ	7
Глава 1. НОВАЯ ВЛАСТЬ	28
Происхождение двоевластия	28
Кондиции временной власти	35
Власть Советов?	48
Правительство либеральной мечты	56
Совет социалистической мечты	68
Новый партийно-политический ландшафт	87
Большевики без Ленина	102
Глава 2. РЕВОЛЮЦИЯ И ГОСУДАРСТВО	125
Легитимность под вопросом	125
Исполнительное безвластие.	138
Арестованный № 1	152
Лучшая армия в мире. Была	169
Экономика свободного падения	201
Творчество на местах	218
Окраины и национальный вопрос	229
Глава 3. ОБЩЕСТВЕННЫЕ СКРЕПЫ	251
Социология русской революции (по Питириму Сорокину)	251
Бывшая элита: дворянство и буржуазия	267
Идеология революции и интеллигенция	279
Пролетариат и крестьянство — немолчаливое большинство	292
Казачество	302
Обновленчество: духовенство и церковь	308
Глава 4. РЕВОЛЮЦИЯ	
В МЕЖДУНАРОДНОМ КОНТЕКСТЕ.	321
Первая мировая война и мир	321
Февральская революция и мировая система	334
Дипломатия Милюкова	355
Послы и эмигранты	362
Пломбированный вагон	368
Глава 5. РЕВОЛЮЦИОННАЯ СЕЙСМИКА	384
Ленин вернулся	384
Апрельский кризис и первая коалиция	401

Совет крестьянских депутатов	435
Большевики и межрайонцы	444
Главноуговаривающий и выдохшееся наступление	455
Терещенко и союзни(ч)ки	482
Первый съезд Советов: «Есть такая партия»	495
Кризис назрел	520
«Украинский кризис» власти	524
Глава 6. МЯТЕЖНОЕ ЛЕТО	530
Июльский путч	530
Немецкие деньги	557
Ленинцы в бегах	574
Тарнопольская катастрофа и премьерство Керенского	602
Корнилов и корниловцы	626
Государственный Собор	655
Мятеж: Зимний против Ставки	666
Глава 7. ПОЛУРАСПАД	708
Большевизация	708
Совещание демократов	723
Последний кабинет	744
Страна вразнос	755
Последний бой: Моонзунд	780
Предпарламентаризм	799
Отступничество Запада	812
Ленин в октябре	824
Глава 8. БОЛЬШЕВИКИ БЕРУТ ВЛАСТЬ	856
Революция в воздухе	856
20 октября (2 ноября). Пятница	856
21 октября (3 ноября). Суббота	866
22 октября (4 ноября). Воскресенье	869
23 октября (5 ноября). Понедельник	871
24 октября (6 ноября). Вторник). Началось	879
Ночь решений и перемен. 25 октября (7 ноября). Среда	913
25 октября (7 ноября). Среда. Утро надежд и разочарований	928
День равновесия	941
Вечер бури и натиска.	958
Ночь, которая потрясла мир	975
26 октября (8 ноября). Четверг.	1004
Первый день советской власти	1029
Консолидация	1029
Заключение	1054
Список источников	1078

Вместо введения

ФЕВРАЛЬ 1917 ГОДА. КРУШЕНИЕ РОССИИ

Февральская революция была только оболочкой, в которой скрывалось ядро Октябрьской революции.

Лев Давидович Троцкий

Мы все вышли оттуда. Хотя никто из ныне живущих не участвовал в революции 1917 года, мы все так или иначе ее дети. И каждый до сих пор чувствует множество ее отголосков. Мы только приходим в себя от той революции. Только восстанавливаем те чудом устоявшие усадьбы, дворцы, дома, церкви, монастыри, которые начали разрушать сто лет назад. Мы только сейчас обретаем способность более-менее спокойно и трезво оценивать то, что тогда случилось с нашими прадедами, с Россией.

Революция — крупнейшее событие новейшей истории, во многом определившее судьбы мира. В течение нескольких месяцев на развалинах великой евразийской державы, находившейся под властью династии Романовых, возникло государство Советов, которым руководила еще недавно маргинальная партия большевиков, предложившая альтернативную всей предыдущей истории модель общественного устройства. Модель, которая в течение 74 лет будет вдохновлять или приводить в ярость остальное человечество. Трагедии и взлеты порожденной революцией советской эпохи до сих пор в огромной степени влияют на нашу повседневность. Споры о революции, которые заметно оживились в связи с ее столетием, выявил разногласия, проходящие по самым актуальным линиям современного политического противостояния. Мы еще во многом живем в той эпохе, пользуемся его языком, черпаем из нее опыт.

Эта книга — продолжение другой, которая выходила в издательстве АСТ под названием «Крушение России. 1917». В ней речь шла о Февральской революции. Как это

принято перед продолжением сериала — краткое содержание предыдущей серии.

1917 год многим нравится. Одним — Февральская революция — как первый прорыв к свободе, положившей конец самодержавию. Другим — Октябрьская — как начало создания государства диктатуры пролетариата. Революцию нередко называют Великой, она окружена множеством мифов.

Чаще всего считают, что у революции были объективные причины: слабая и нищая Россия терпела поражение в Первой мировой войне, ее экономика рухнула, армия развалилась, людские ресурсы иссякли, свирепствовал голод, недееспособное и неадекватное самодержавное правительство вело страну путем измены, за что буржуазия его и свергла в Феврале, а ее, в свою очередь, в Октябре свергли пролетариат и крестьянство. Все это весьма далеко от истины.

У Октябрьской революции было много героев. Сотни и тысячи людей оставили воспоминания о своем вкладе в ее подготовку и осуществление. У Октября есть публичные лидеры, среди которых на первом месте Ленин. А Троцкий, Сталин, Зиновьев, Каменев и другие многие годы спорили о том, чей вклад был более значим. Десятки и сотни доказывали, что именно они несли бревно с Лениным на первом субботнике. Очень многие хотели быть среди победителей, установивших свою власть на $\frac{1}{6}$ части суши на три четверти века и создавших сверхдержаву.

Февральская же революция осталась сиротой. Никто не захотел признаться в отцовстве, предпочтя версию стихийного народного восстания. Хотя ни до, ни после в мировой истории не было спонтанных, неподготовленных, без лидеров и активных участников революций. Или, во всяком случае, мне такие случаи не известны. Объективного в истории вообще очень мало. Революции рождаются в головах немногих, которые в силу ряда обстоятельств часто действительно от них не зависящих, оказываются способными заразить своим антисистемным пафосом критическую массу людей. Причем не обязательно во всей стране — достаточно столицы, здесь Ленин был прав.

Сергей Владиславович Завадский, опытнейший юрист, работавший в 1917 году заместителем председателя Чрезвычайной следственной комиссии, напишет: «Принято говорить: движение началось стихийно, солдаты сами вышли на улицу. С этим я никак не могу согласиться... Когда кто-либо ссылается на стихию, на случай, он, в сущности, признается,

что подлинная причина события ему не известна. «Самопроизвольное зарождение» еще меньше уместно в социологии, чем в естествознании. Оттого, что никто из революционных вождей с именем не мог привесить к движению свой ярлык, оно становится не безличным, а только безымянным»¹.

Конечно, и у Февральской революции были и лидеры, и вдохновители, и активные исполнители. Просто они оказались столь сильно разочарованы, ошарашены результатами содеянного уже после первых дней революции, что предпочли свою роль не только не афишировать, но даже прямо отрицать. Знали они и широко распространенное мнение подавляющего большинства российской элиты, переставшей быть таковой после 1917 года, что «те, кто делал революцию во время войны в наивном предположении, что можно ее остановить на той грани, на которой они захотят и что можно будет продолжать войну — являются также преступниками перед Родиной»². А для большевиков это была чужая, буржуазная революция, и они не претендовали на лавры ее главных организаторов.

В начале 1917 года не было предпосылок, неумолимо толкающих страну в революцию, кроме общей бедности большей части населения (что в России было всегда) и наличия необычайно активной и оппозиционно настроенной олигархической и аристократической элиты, а также интеллигенции, поставившей в большом количестве кадры фанатичных революционеров.

Россия оставалась огромной и жизнеспособной страной. Она не была сверхдержавой. Но она, безусловно, была одной из великих держав. Российская империя была самым крупным государством на планете — предки постарались. Ее площадь превышала 22,4 млн квадратных километров — от западных пределов Царства Польского и Финляндии — до Чукотки, от Северного Ледовитого океана — до Памира (площадь современной Российской Федерации — около 17 млн квадратных километров).

За полвека после Великих реформ население страны удвоилось, составив около 170 млн человек³, почти каждый восьмой на планете. Больше жило только в Китае и Индии. Страна стояла на одном из первых мест в мире по уровню рождаемости, почти половина ее обитателей была моложе двадцати лет⁴. Только за первые двадцать лет правления Николая II население Российской империи выросло более чем на 50 млн человек. Сохранялись традиции крепких больших

семей в деревнях, весьма сильны были устои брака. По сведениям выдающегося социолога Питирима Александровича Сорокина, среди православного населения Европейской России ко времени революции на 1000 браков приходилось порядка 2,5 развода, то есть один развод на 400 браков (уже в 1920–1922 годах этот показатель достигнет 1 развода на 11,7 брака, то есть увеличится на три с половиной порядка)⁵. Наш великий ученый Дмитрий Иванович Менделеев в начале XX столетия предсказывал, что к 2050 году численность населения составит 800 миллионов человек⁶. Идея избранности Святой Руси, маргинальная в интеллигентской среде, была сильна в народном сознании, составляла идеологический фундамент, который скреплял общество и власть, давал им смысл существования и основу для духовного самоуважения.

Экономическая модель не была идеальной, но она не была и провальной, русское экономическое чудо не было фигурой речи. Промышленное производство с 1860-х годов и вплоть до Первой мировой войны увеличивалось в среднем на пять процентов в год. К 1917 году Россия была четвертой экономикой на планете. Конечно, Россия отставала от ведущих держав по качественным хозяйственным параметрам, технологии, уровню жизни, и плоды индустриальной революции, как и следы рыночных отношений, были слабо заметны на селе, где было занято семь восьмых населения. Ожидаемая продолжительность жизни составляла 32 года для мужчин, 34 — для женщин (в Англии того времени — 50 и 53), каждый четвертый ребенок умирал в возрасте до года⁷. Весьма низким был уровень образования, к 1913 году читать и писать умели лишь около половины горожан и до четверти крестьян⁸. Повсеместно наблюдался подъем национальных чувств и движений, что, в свою очередь, питало и великорусский национализм, выдержанный на принципах сохранения России как единого и неделимого государства. Страну ожидало серьезное испытание на разрыв из-за роста национального сознания на окраинах. Но в социально-экономической структуре России не было ничего, что объективно толкало бы страну к разрушению.

К 1917 году российский государственный строй не был самодержавным. После революции 1905 года Россия получила Основные законы, политические свободы, двухпалатный парламент и стала конституционной дуалистической монархией. Николай II был достаточно адекватным руко-

водителем страны. Царь был умен, высокообразован — он успешно прошел программы университета и Академии Генштаба — свободно владел несколькими иностранными языками. За обходительными манерами, мягким обращением, граничащим со скромностью и даже робостью, простотой нрава скрывалось упрямое мужество, основанное на глубоких и выстраданных убеждениях. Он проявил это мужество, когда принял на себя командование армией, идя на сознательный риск в надежде исполнить то, что он считал долгом, и помочь победе. И в чем-то его расчет был небезосновательным. Именно август 1915 года стал тем поворотным пунктом, после которого заметно улучшились и результаты работы Ставки, и боеспособность русской армии.

Николай не был противником перемен, он провел больше реформ, чем большинство его предшественников. Но он также понимал, насколько опасно одномоментно разрушать традиционные, сложившиеся органично государственные и общественные институты. И опыт Временного правительства, воплотившего в жизнь рецепты оппозиции того времени и полностью разрушившего государство, это полностью подтвердит.

С позиций сегодняшнего дня представляется совершенно очевидным, что нараставший политический кризис требовал от Николая решительной реакции — либо установления диктатуры (что вполне укладывалось бы в логику военного времени), либо действительно создания ответственного перед Думой правительства. Но император не решился ни на то, ни на другое. Почему? Царь жил Ставкой и фронтом, опрометчиво обращая мало внимания на положение в столицах. Он полагал, что Россия с ним, а что до оппозиционеров в Москве и в Питере, то они погоды не сделают. В Западной Европе диктатура де-факто в годы войны появилась с согласия общественности, считал историк и активный народный социалист Сергей Петрович Мельгунов: «В России таковая могла быть только диктатурой наперекор общественности»⁹. Николай — не диктатор по природе — не хотел обострять свои и без того непростые отношения с элитой.

Что же касается перехода к парламентскому правлению, то, во-первых, царь идеологически не был сторонником представительной монархии. Во-вторых, он не собирался предпринимать каких-либо кардинальных реформ до победы, которая уже виднелась на горизонте. В-третьих, до 1917 года не известен был в принципе ни один пример

либерализации политического режима во время серьезной войны — это самоубийственно. Наконец, император слишком хорошо знал всех тех, кто требовал власти для себя. Он мог быть твердо уверен в их полной нелояльности, которую они демонстрировали не один год. Николай имел основания считать оппозицию скорее изменниками, чем патриотами, как оценили бы ее риторику и деятельность лидеры любой другой воевавшей страны. И он не сомневался в очевидной некомпетентности потенциальных министров, которая проявлялась в работе Думы, Земгора, ВПК и других цитаделей альтернативного правительства. И весь мир вскоре получит подтверждение этой несостоятельности, когда правительство Львова, Гучкова и Милюкова не удержит власть и двух месяцев.

В революции была вина императора Николая II. Однако она состояла не в том, в чем его чаще всего обвиняют: отсутствии либеральных реформ или предательстве национальных интересов в пользу Германии под влиянием «темных сил». Его главная слабость заключалась в том, что он был монархом-венценосцем, монархом-чиновником, но не был монархом-политиком. Он вообще не был политиком в классическом смысле и не доверял политикам. Крупные политические фигуры были редки в окружении Николая II и чувствовали себя инородными элементами, как Витте или Столыпин. Он чрезмерно уповал на рок и покровительство Небесных сил, но слишком мало предпринимал усилий для завоевания симпатий элиты, проиграл информационную войну. Царь не уделил должного внимания настроениям улицы и актуализации массовой опоры власти, которая была — в лице основной массы населения. Наконец, он не проявил решимости бороться за власть до конца, что лишал силы порядка точки опоры, открывая простор революции. Царь проявлял нерешительность, когда речь шла о применении силы. И это воспринималось как слабость, а для императора и было слабостью. Ее в России руководителям не прощают.

Николай занимался делом, которое считал основным: осуществлял функции Верховного главнокомандующего. На внутреннем фронте он пытался демонстрировать свою волю, неподвластность требованиям Думы и в то же время лавировать, идя на точечные уступки требованиям оппозиции. В результате произошло то, что вошло в историю под названием министерской чехарды. Всего с осени 1915 по февраль 1917 г. сменилось четыре премьера, пять министров

внутренних дел, три военных министра, что, конечно, исключительно непродуктивно во время войны. Кроме того, такая кадровая политика воспринималась как утрата контроля за ситуацией. И вела к утрате.

Февральскую революцию часто называли буржуазной. Но буржуазия как класс ее не осуществляла. Торгово-промышленная элита оставалась скорее «классом в себе». Политическая активность бизнеса в России проявилась довольно поздно и по своему размаху уступала активности всех других социальных групп, включая даже дворянство. Во многом это объяснялось тем, что буржуазия не имела опоры в народе, который откровенно ее не любил и не ценил, что объяснялось и особенностями российской интеллектуальной культуры, антибуржуазной в своей основе, и особенностями бизнеса, который не всегда демонстрировал образцы высокой предпринимательской этики.

Однако предпринимательский класс поучаствовал в лице своих ярких представителей в свержении режима. Крупнейший банкир Павел Павлович Рябушинский возмущался, что нужно ездить в Петербург «на поклон, как в ханскую ставку» и обещал, что «наша великая страна сумеет пережить свое маленькое правительство¹⁰. В начале войны бизнес активно способствовал переводу экономики на военные рельсы, принял активное участие в формировании военно-промышленных комитетов, земских и городских союзов (Земгор), взявшихся оказывать всестороннюю помощь фронту. Однако именно эти организации и стали одним из важнейших инструментов дестабилизации императорской власти. И именно из олигархической среды вышел ряд очень активных революционеров, которые будут готовить заговор по свержению царя, а затем войдут в состав Временного правительства.

Ведущей социальной группой, приближавшей революцию, явилась интеллигенция. Во время войны пораженческие, антиправительственные настроения в интеллигентской среде оказались распространены достаточно широко, многие действительно считали патриотизм прибежищем негодяев. В борьбе за светлые идеалы именно интеллигенция давала целеполагание и наиболее эмоциональные аргументы противникам власти.

Пролетариат в революции выполнил в основном роль массовки, причем не на главной сцене. Из-за неразвитости городов рабочий класс был немногочисленным и представ-

лял в значительной части своей скорее разнородность крестьянства, не порвавшего связи с землей. В начале войны, как и весь народ, рабочий класс испытал прилив патриотических чувств. Ситуация резко стала меняться в 1916 году, что было связано и с углублением экономических проблем, и с общим изменением морального климата в стране, и с творческой деятельностью Земгора. Главным раздражителем стал рост стоимости жизни. Темпы увеличения заработной платы в 2—3 раза отставали от роста цен на продовольствие, жилье и одежду. Но в целом сил самого рабочего класса было совершенно недостаточно для совершения революции.

Крестьянство проявило в предреволюционную эпоху очевидную пассивность, его существовавший политический режим вполне устраивал. Крестьянство с непониманием относилось к идеям политических прав и свобод и отличалось повышенным чувством патриотизма и лояльности православному царю. Деревня связывала свои проблемы исключительно с безземельем. Требуя земли, крестьяне избирали в Думу весьма радикальных депутатов — как левых, так и правых.

Основной причиной растущего недовольства села стало затягивание войны, которая уносила все больше жизней, в России — в основном жизней крестьянских. Количество мобилизованных в армию составит к моменту Октябрьской революции в общей сложности 15,8 млн человек, из них 12,8 млн призывались из деревни. Крестьяне начали задавать вопросы о справедливости целей войны, правильности правительственной политики и не всегда находили устраивающие их ответы. Но выступать инициаторами изменения существовавшего государственного строя крестьяне, настроенные в основном консервативно, не могли и не хотели.

В подготовке Февральской революции приняло участие большинство российских политических партий — в спектре от октябристов до большевиков. При этом вплоть до революции в стране не сложилось партии, которую хоть с каким-то основанием можно было считать правящей. Ни одна из партий не проходила испытания на власть, не имела ни малейшего опыта практического государственного управления.

На крайнем правом фланге располагались черносотенцы («черной сотней» со Средних веков называли податное

посадское население), ведущей организацией которых выступал Союз русского народа, были последовательными ревнителями самодержавия и националистами. Но разочарование во власти не обошло стороной и черносотенцев, чувствовавших себя не востребуемыми и недооцененными властью.

Более умеренные правые разделились на националистов-балашевцев, националистов-шульгинцев и партию центра. Обе фракции националистов представляли западные регионы страны, «где принадлежность к русской нации сама по себе влекла за собой принадлежность к правым партиям», а их расхождения объяснялись исключительно личными разногласиями между Петром Николаевичем Балашевым и редактором газеты «Киевлянин» Василием Витальевичем Шульгиным. Партия центра («конституционно-консервативная») во главе с Павлом Николаевичем Крупенским и Владимиром Николаевичем Львовым внятной программы не имела, ориентируясь то на правительство, то на октябристов и кадетов.

В годы Первой мировой войны проповедуемые правыми патриотические идеи поначалу обрели большую популярность. Но ослабление поддержки правительства по мере затягивания войны обваливало и авторитет ассоциировавшихся с ним партий. Оставаясь лояльными трону, но они все больше оказывались в положении разочарованных генералов без армий.

Октябристы (Союз 17 октября) — консервативная партия, ее принципами была наследственная конституционная монархия. Программа партии содержала весь набор прав граждан, в то же время октябристы исходили из необходимости сохранения «единой и неделимой» России. В партии оказался собран едва ли не весь цвет российской торгово-промышленной и финансовой буржуазии, уже частично «одворяненной», а также служилого дворянства. В III Думе партия была скорее проправительственной, ее лидеры Александр Иванович Гучков и Михаил Владимирович Родзянко последовательно были председателями Государственной думы. Градус оппозиционности октябристов в IV Думе заметно возрос во многом из-за радикализации позиции Гучкова, которого либеральная пресса нарекла «Александром Ивановичем Буревестником». В начале войны партия раскололась, ее лидеры отказались от оппозиционности, но вернулась к ней под влиянием военных неудач 1915 года.